

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение (Л.И. Якобсон).....	7
------------------------------	---

Раздел I

ТРЕТИЙ СЕКТОР, БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ, ВОЛОНТЕРСТВО В ТЕОРЕТИЧЕСКОМ И ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТАХ

Глава 1. Третий сектор: понятие и форматы функционирования (Л.И. Якобсон)	11
1.1. «Невидимый колледж» и конкуренция терминов	11
1.2. Самоорганизация и ее институты	18
1.3. Форматы самоорганизации	22
Глава 2. Самоорганизация граждан в свете теоретических представлений (Л.И. Якобсон, Н.В. Иванова)	29
2.1. Издержки и выгоды самоорганизации	29
2.2. Самоорганизация, социальный капитал и развитие личности	37
2.3. Преимущества и уязвимости третьего сектора	43
2.4. Объяснение межстрановых различий	54
Глава 3. Некоммерческие организации России до 1917 года: исторический опыт преодоления кризисов (А.С. Туманова)	57
3.1. Постановка проблемы	57
3.2. Модернизация государства и начальный этап самоорганизации общества в XVIII–XIX веках	58
3.3. Общественная сфера в последней трети XIX — начале XX века и ее антикризисная повестка	73
Глава 4. Общественные организации Советской России и их роль в преодолении последствий кризисов в социально-экономической и культурной сферах (А.С. Туманова)	88
4.1. Советская и имперская модернизации: общее и особенное	88
4.2. Участие общественности в решении социальных проблем в 1920-е — начале 1940-х годов	92
4.3. Деятельность советских обществ в области общественной медицины и санитарного просвещения, а также укрепления военно-оборонного потенциала	101
4.4. Экологический активизм	104

Раздел II

АЛЬТРУИСТИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ И ТРЕТИЙ СЕКТОР В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Глава 5. Мониторинг состояния гражданского общества: методология и структура (И.В. Мерсиянова)	109
5.1. Цель и задачи мониторинга	109
5.2. Методология исследований в рамках мониторинга	112
Глава 6. Границы сектора НКО и факторы его жизнеспособности (И.В. Мерсиянова)	131
6.1. Границы сектора НКО в России.....	131
6.2. Проблемы функционирования НКО и факторы их жизнеспособности.....	133
6.3. Взаимодействие с субъектами общественной среды	140
6.4. Отношение к политике государства по вопросам развития НКО.....	144
Глава 7. Ресурсы российских НКО: человеческие, финансовые и технологические (И.В. Мерсиянова)	151
7.1. Сотрудники в НКО	151
7.2. Волонтеры в НКО.....	155
7.3. Финансовые ресурсы НКО	158
7.4. Цифровые компетенции и открытость НКО	162
Глава 8. Благотворительные практики и предпосылки участия в них населения (волонтерство и денежные пожертвования) (И.В. Мерсиянова)	172
8.1. Предпосылки участия населения в благотворительных практиках и деятельности НКО	172
8.2. Волонтерская деятельность россиян	175
8.3. Денежные пожертвования россиян	187
Глава 9. Отношение населения к НКО и ожидания от их деятельности (И.В. Мерсиянова)	197
9.1. Информированность, доверие и участие населения в деятельности НКО.....	197
9.2. Участие НКО в решении социальных проблем: восприятие населения.....	211
9.3. Чем НКО могут помочь улучшению ситуации в сфере здравоохранения.....	212
9.4. Чем НКО могут помочь улучшению ситуации в сфере социального обеспечения	217

9.5. Чем НКО могут помочь улучшению ситуации в сфере образования.....	221
9.6. Чем НКО могут помочь улучшению ситуации в сфере культуры	224
Глава 10. Культура самоорганизации и гражданская активность (И.Е. Дискин)	228
10.1. Введение	228
10.2. Подход к предмету анализа.....	229
10.3. Культура самоорганизации: характер функционирования	233
10.4. Общественная консолидация — ключевое звено социально-политической стабильности и позитивной социальной динамики	235
10.5. Усиление влияния культуры самоорганизации на развитие социальной активности	241
 Раздел III НОВЫЕ ПОТРЕБИТЕЛЬСКИЕ ПРАКТИКИ КАК ИНДИКАТОР И РЕСУРС ТРАНСФОРМАЦИИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА 	
Глава 11. Этичное потребление как индивидуализированное коллективное действие (М.А. Шабанова)	248
11.1. Этичное потребление как сфера гражданского общества: виды и признаки	248
11.2. Факторы развития этичного потребления: результаты исследований и гипотезы	251
11.3. Новые вызовы и возможности в условиях цифровизации экономики и общества.....	260
Глава 12. Динамика и факторы развития этичного потребления в России (М.А. Шабанова)	265
12.1. Рыночный сегмент: этичные покупки и бойкоты.....	265
12.2. Раздельный сбор бытовых отходов как добровольная практика гражданского общества	281
12.3. Практики потребителей по сокращению количества бытовых отходов	296
12.4. Этичное потребление: есть ли будущее в условиях санкций?	298
Глава 13. Этичные потребители и НКО: потенциал сотрудничества (М.А. Шабанова)	301
13.1. Самонаправляемое просоциальное поведение и изменение роли НКО.....	301

13.2. Представления россиян об акторах развития этичного потребления: недооценка роли и потенциала НКО.....	304
13.3. Этичное потребление как индикатор и ресурс трансформации гражданского общества (заключительные соображения)	309

Раздел IV

ТРЕТИЙ СЕКТОР: ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ РЕАГИРОВАНИЯ НА ВЫЗОВЫ В СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЕ

Глава 14. Функции НКО, волонтерства и благотворительности в кризисных условиях (<i>В.Б. Беневоленский</i>)	318
14.1. «Авангардный» отряд при решении неотложных задач в кризисный период.....	319
14.2. Генерирование инновационных услуг.....	322
14.3. Внедрение инновационных методов оказания услуг.....	324
14.4. Адвокатирование как инструмент адаптации обеспечения населения услугами социальной сферы к условиям кризиса	326
Глава 15. Государственная политика антикризисной поддержки НКО в зарубежных странах в период пандемии: масштабы и структура программ поддержки (<i>В.Б. Беневоленский</i>)	328
15.1. Германия.....	328
15.2. Австрия	333
15.3. Великобритания	335
15.4. США	337
Глава 16. Пандемический кризис и режимы некоммерческого сектора: «колея развития» или конвергенция моделей? (<i>В.Б. Беневоленский</i>)	342
16.1. Общий вектор изменений	344
16.2. Межсекторное партнерство (Германия)	348
16.3. Социал-демократическая модель (Австрия).....	350
16.4. Либеральная модель (Великобритания, США).....	352
Именной указатель.....	361
Предметный указатель.....	367
Указатель российских общественных объединений и других НКО	370
Сведения об авторах.....	374

ВВЕДЕНИЕ

Книга, которую вы держите в руках, — коллективный труд Центра исследований гражданского общества и некоммерческого сектора Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Она посвящена явлениям, занимающим одно из ключевых мест в жизни общества и играющим чрезвычайно важную роль в его развитии. Эти явления, вероятно, знакомы каждому, но при этом не относятся к числу наиболее исследованных наукой. Примечательно, что даже названия этих феноменов подчас звучат неодинаково, и в один и тот же термин разные авторы вкладывают разные смыслы. Это относится к таким терминам, как «самоорганизация», «третий сектор», «гражданское общество», а отчасти и «негосударственная некоммерческая организация» и «волонтерство». Однако, пожалуй, все, кому не безразличны явления, обозначаемые этими терминами, интуитивно ощущают их взаимную родственность и ассоциируют их с общественным благом. Более того, сами расхождения в использовании терминов в определенной мере обусловлены разногласиями в понимании того, что есть благо для общества и каковы ценности, на основе которых имеет смысл объединяться и добровольно прилагать усилия. Поэтому явления, находящиеся в центре внимания авторов книги, быть может, чаще встречаются в общественно-политической повестке и публицистике, чем в повестке исследовательской.

Между тем научные исследования этих явлений чрезвычайно интересны, в том числе потому, что в данной области особенно востребована междисциплинарность с ее преимуществами «стереоскопического» зрения и трудностями, с которыми приходится сталкиваться на пересечениях дискурсов разных дисциплин. Еще одна привлекательная черта тематики, которой посвящена книга, состоит в том, что многие относящиеся к ней теоретические представления еще находятся в процессе становления, а эмпирические данные интенсивно пополняются и обновляются. Наконец, непосредственная связь тематики с жизнью практически каждого гражданина и с актуальной повесткой общества придает ей несомненную практическую значимость. Она обязывает исследователей выполнять свою специфическую роль, которая предполагает непредвзятое восприятие реалий в их полноте и противоречивости, надежность анализа и четкость аргументации. Это позволяет вносить собственный вклад в развитие общественной самоорганизации, не подменяя практиков и публицистов, а снабжая их крайне необходимой объективной информацией.

Не всегда легко ограничиваться сугубо научным подходом, говоря о предметах, которые пробуждают общественный темперамент исследователя. Эта особенность знакома тем, кто работает в Центре исследований гражданского общества и некоммерческого сектора, в котором нет людей, равнодушных к заботам общества. Другой вызов — изложить материал так, чтобы быть понятыми не в одном лишь кругу коллег-исследователей. По замыслу авторского коллектива, книга призвана не только ввести в научный оборот новые результаты исследований Центра, но и обогатить знаниями практиков, прежде всего руково-

дителей и активистов НКО, а также преподавателей дисциплин, затрагивающих вопросы общественной самоорганизации, студентов и всех, кто хотел бы лучше понять природу, проблемы и перспективы общественной самоорганизации.

Слова «авторский коллектив» не случайны. Авторы тесно сотрудничают, работая вместе в Центре исследований гражданского общества и некоммерческого сектора. Однако сотрудничество, определяя согласие в главном, не исключает расхождений по тем или иным конкретным вопросам. Центр — живой организм, и его жизнь проявляется в том числе в дискуссиях. Некоторые расхождения обусловлены также следованием традициям разных дисциплин, которые представляют авторы. При подготовке монографии было решено не затушевывать особенности авторских позиций, тем более что они не исключают друг друга, хотя не во всем совпадают.

В относительно небольшой книге не было возможности охватить не только всю актуальную мировую повестку исследований общественной самоорганизации, но и всю исследовательскую повестку Центра. Книга состоит из четырех разделов, посвященных соответственно теории и истории общественной самоорганизации, ее состоянию в современной России, новым потребительским практикам как специфическим проявлениям спонтанной самоорганизации и зарубежному опыту сотрудничества государства с общественностью. Последняя тема рассматривается в основном на примере противодействия пандемии коронавируса и ее последствиям¹. Проблематика противодействия кризисам, в том числе коронавирусному, в силу ее актуальности занимает немалое место и в других разделах.

Л.И. Якобсон, научный руководитель Центра исследований гражданского общества и некоммерческого сектора НИУ ВШЭ

¹ Четвертый раздел книги — последняя работа одного из ведущих сотрудников Центра исследований гражданского общества и некоммерческого сектора В.Б. Беневоленского, внезапная безвременная кончина которого не позволила расширить временные рамки представленного в разделе анализа.

Раздел I

ТРЕТИЙ СЕКТОР, БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ, ВОЛОНТЕРСТВО В ТЕОРЕТИЧЕСКОМ И ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТАХ

Глава 1

Третий сектор: понятие и форматы функционирования

1.1. «Невидимый колледж» и конкуренция терминов

Самоорганизация граждан и альтруистическое поведение — масштабные и исключительно значимые явления, без которых немислима жизнь современного общества. С ними ассоциируются негосударственные некоммерческие организации (НКО) и общественные движения, группы взаимопомощи и общения, широко понимаемые благотворительность и волонтерство, короче говоря, действия, совершаемые добровольно ради так или иначе понимаемых интересов других людей, группы или всего общества. Не приводя пока разнообразные количественные характеристики этих явлений (читатель найдет их в последующих главах), отметим, что в нашей стране они охватывают абсолютное большинство граждан.

Явления, о которых идет речь, закономерно находятся в поле зрения ряда общественных наук. Вместе с тем их систематическое изучение началось сравнительно недавно, что объясняет дискуссионность многих представлений о них и неоднозначность относящейся к ним терминологии. Для обозначения реалий, о которых здесь идет речь, в научной литературе и публицистике используются словосочетания «гражданское общество» (*civil society*), «некоммерческий сектор» (*nonprofit sector*), «добровольное общество» (*voluntary society*), «третий сектор» (*the third sector*) и ряд других. Вариантов интерпретации этих словосочетаний довольно много, причем они отчасти пересекаются, а отчасти противопоставляются друг другу. Взаимно близкие интерпретации нередко ассоциируются с разными терминами, а далекие — с одними и теми же. В то же время эмпирически наблюдаема принадлежность исследований, оперирующих этими понятиями, к некоей общей «семье», хотя и не очень дружной. Об этом свидетельствует, в частности, следующее.

Основанное в 1990-е годы авторитетное Международное общество исследователей третьего сектора (ISTR) определяет свою задачу как содействие исследованиям и образованию в области гражданского общества, благотворительности и некоммерческого сектора (www.istr.org). Гражданское общество помещено здесь в один ряд с некоммерческим сектором, причем и то и другое позиционированы как составные части третьего сектора. Другая крупнейшая организация исследователей фактически той же проблематики называет себя Ассоциацией исследований некоммерческих организаций и добровольных действий (ARNOVA), обозначая таким образом как различие между двумя компонентами тематики, так и их совмещение (www.arnova.org).

В недавней публикации Мирового экономического форума *Who and what is "civil society"* термины «гражданское общество» и «третий сектор» используются как синонимы. По определению Всемирного банка, гражданское общество

представляет собой «широкий спектр организаций: общественные группы, неправительственные организации (НПО), профсоюзы, группы коренных народов, благотворительные организации, религиозные организации, профессиональные ассоциации и фонды»¹. В этой формулировке, предложенной влиятельной международной организацией, обращает на себя внимание отнесение термина «организация» в том числе к общественным группам, не оформленным в качестве юридических лиц. Нечто подобное характерно и для значений термина «третий сектор». Базируясь на обстоятельном обзоре литературы, О. Корри отмечает, что этот термин «на практике... используется в отношении весьма несхожих типов организаций, таких как благотворительные и другие негосударственные НКО, группы взаимопомощи, социальные предприятия, сети (networks) и клубы, если назвать лишь часть того, что нельзя отнести ни к государству, ни к рынку»².

Разумеется, название — лишь ярлык, закрепление которого за тем или иным объектом — предмет конвенций. Достаточно обычно неодинаковое употребление слова или выражения не слишком пересекающимися сообществами, для которых актуальны разные смыслы. Такое встречается и в науке, хотя в ней требуются формализованные конвенции об однозначно понимаемых дефинициях. В разных сообществах исследователей дефиниции могут быть разными (пример — значения термина «рост» в биологии и экономике). Однако, как видно из сказанного, когда речь идет о гражданском обществе и третьем секторе, налицо неполнота конвенций. Она отражает объективную незавершенность процесса, характеризующегося отчасти параллельным, а отчасти переплетающимся развитием, с одной стороны, объектов изучения, с другой — исследований этих нередко перетекающих друг в друга объектов.

Нередки примеры проецирования результатов, полученных при исследовании части этих объектов, на всю их совокупность. Встречаются также различные, далеко не всегда ясно формулируемые ограничения совокупности за счет той или иной интерпретации названных выше терминов. В результате подчас приходится не без труда реконструировать фокусировку проведенного исследования и границы релевантности его результатов. Тем не менее невозможно не заметить, что разнообразие истолкований терминов «гражданское общество», «третий сектор» и др. сочетается с принадлежностью исследователей явлений, о которых идет речь, к одним и тем же упомянутым организациям, с участием в одних и тех же конференциях, тяготением к одним и тем же журналам и, главное, с реальным взаимодополнением исследований, диалогом и полемикой. Короче говоря, налицо типичный «невидимый колледж»³ и, если не единство, то близкое родство тех предметов, которые изучаются его участниками.

¹ Civil Society Policy Forum. The World Bank, April 17–21, 2017. <https://www.worldbank.org/en/events/2017/04/21/civil-society-policy-forum> (дата обращения: 25.05.2024).

² Corry O. Defining and Theorizing the Third Sector // R. Taylor (ed.). Third Sector Research. New York: Springer, 2010. P. 11–20.

³ Термин «невидимый колледж» используется для обозначения неинституционализированных групп исследователей, взаимодействующих в работе над общей проблематикой. «Невидимые колледжи» играют важную роль в становлении новых научных направлений и специальностей. См.: Новая философская энциклопедия: в 4 т. / науч.-ред. совет.: В.С. Степин и др. М.: Мысль, 2000–2001.

По аналогии с живой природой уместно предположить, что эти предметы имеют общую основу, характеризующую их «семейство», что не исключает «родовые» и «видовые» различия внутри него. «Семейные» черты исследований, по-видимому, производны от «семейных» черт их предметов. История становления тех и других заслуживает обстоятельного освещения, но рамки данной книги позволяют очертить только некоторые ее этапы.

Понятие «гражданское общество» возникло в рамках философского дискурса эпохи Просвещения и использовалось первоначально в качестве собирательного понятия, обозначающего сферу частной жизни, неким образом автономную по отношению к государству. При этом границы и состав сферы, как и характер ее автономии и взаимоотношений с государством, с самого начала понимались не вполне одинаково. На определенном этапе доминирующими стали представления, связанные с тезисом Г.В.Ф. Гегеля о промежуточном положении гражданского общества между семьей и государством. По существу, эти представления, акцентирующие позитивные эффекты взаимодействия людей, которые реализуют свои частные интересы, корреспондируют с представлениями А. Смита и его школы о рынке. Это видно, в частности, из следующего высказывания Гегеля: «В гражданском обществе каждый для себя — цель, все остальное для него ничто. Однако без соотношения с другими он не может достигнуть своих целей во всем их объеме: эти другие суть поэтому средства для цели особенного. Но особенная цель посредством соотношения с другими придает себе форму всеобщего и удовлетворяет себя, удовлетворяя вместе с тем стремление других к благу»⁴.

Здесь нет возможности проследить путь от таких представлений к преобладающим ныне. В их рамках сохраняется идея промежуточного положения, но уже не между семьей и рынком, а между рынком и государством. Кроме того, в качестве «лица» гражданского общества теперь обычно предстает не эгоист, как у Гегеля, а активный альтруист. Существенны оба момента: с одной стороны, «промежуточность» объекта изучения, которой соответствует определение посредством соотношения с объектами, лежащими по две стороны от его границ (схожим образом определяется и третий сектор), с другой — то, что эволюция понятия происходила в значительной мере на основе интеграции с понятиями общего блага и, соответственно, гражданственности. Последние, в свою очередь, тоже имеют давние исторические корни и трактуются по-разному.

Впрочем, наряду с преобладающими трактовками гражданского общества сохраняется и его предельно широкое понимание как сферы частной жизни. Например, гражданское общество определяется как «совокупность множества межличностных отношений, семейных, социальных, экономических, культурных, религиозных и других ассоциаций и структур, которые развиваются в данном сообществе вне рамок государства и без его непосредственного вмешательства либо помощи»⁵. В фокусе данного понимания, очевидно, находится противопоставление «неполитического» «политическому». Оно помогает политологам очертить то, что напрямую не относится к области их исследований,

⁴ Гегель Г.В.Ф. Философия права / пер. с нем. В.Г. Столпера, М.И. Левиной. М.: Мысль, 1990. С. 524.

⁵ Мельвиль А.Ю. и др. Категории политической науки: учебник для вузов / под общ. ред. А.Ю. Мельвиля. М.: РОССПЭН, 2002. С. 204.

хотя и влияет на политические процессы. Впрочем, в литературе можно найти и подчеркнуто политизированные определения гражданского общества, в которых основное внимание уделяется его взаимоотношениям с государством, зачастую трактуемым антагонистически⁶. Как бы то ни было, определения, даваемые перечислением через запятую, очевидно, малопригодны для раскрытия сущности определяемых явлений.

Довольно рано для дискурса о гражданском обществе стал характерен акцент на совместном, коллективном характере *добровольных* действий. Основополагающими в данном отношении явились идеи А. де Токвиля о роли ассоциаций⁷. Рассматриваемое под данным углом зрения гражданское общество предстает уже не только как совокупность индивидов и особая система их взаимоотношений, но и как совокупность взаимодействующих коллективных акторов. Такое понимание во многом сохраняется по сей день, притом что его контекст претерпевал немалые изменения и отнюдь не одинаково выглядит в работах апологетов и критиков политических, социальных и экономических реалий той или иной эпохи. Представление об истории понятия и его месте в современной политической философии дает, например, книга Б.Г. Капустина⁸. Благодаря приложениям, в ней под одной обложкой опубликованы во многом полемизирующие друг с другом тексты трех авторов, каждый из которых компетентен и не беспристрастен. Это одно из свидетельств разнообразия трактовок гражданского общества при совпадении некоторых базовых идей.

В целом «семейные» черты основного потока современных исследований гражданского общества можно усмотреть в фокусировке на *промежуточном* положении объекта между сферой реализации частного интереса (на основе рыночных сделок) и сферой политики (борьбы за власть и ее осуществления). В таком положении находится сфера добровольного сотрудничества, которое осуществляется при созидании общего блага вне государственной иерархии, а также самореализации, иными словами самоценного проявления способностей и творческих устремлений не ради материального вознаграждения или выполнения долга перед государством. Разделяя эти черты, «члены семьи», т.е. различные концепции и трактовки гражданского общества, зачастую несхожи, что отражает как историю и географию контекстов их создания и бытования, так и разнообразие мировоззренческих позиций их авторов. Те работы, в которых используется термин «гражданское общество», часто характеризует отчетливо выраженная нормативность, даже идеологическая окрашенность. Не случайно

⁶ Например: *Foley M.W., Edwards B. The Paradox of Civil Society // Journal of Democracy. 1996. Vol. 7. No. 3. P. 38–52. Project MUSE; Ljubownikow S., Crotty J., Rodgers P. The State of Civil Society in Post-Soviet Russia: The Development of a Russian-Style Civil Society // Progress in Development Studies. 2013. Vol. 13 (2). P. 153–166; Edwards M. Civil Society. Cambridge: Polity Press, 2014; Domaradzka A., Kavelashvili N., Markus E., Sälhoff P., Skóra M. A Shrinking Space for Civil Society? A Conference on Civil Society and Europe's Political Culture. Wrocław, Poland, October 2016. München, 2016. (Europa Bottom-Up 15). <http://nbnresolving.de/urn:nbn:de:0168-ssoar-49241-1> (дата обращения: 25.05.2024); Kövér Á. The Relationship between Government and Civil Society in the Era of COVID-19 // Nonprofit Policy Forum. 2021. Vol. 12. No. 1. P. 1–24.*

⁷ Токвиль А. Демократия в Америке / пер. с фр. В.Т. Олейника, Е.П. Орловой, И.А. Малаховой, И.Э. Иванян, Б.Н. Ворожцова; предисл. Г.Дж. Ласки. М.: Прогресс, 1992. С. 559.

⁸ Капустин Б.Г. Гражданство и гражданское общество / введ. ст. В.С. Малахова; прилож. Т.Х. Маршалла / пер. с англ. Ю. Дергунова; под науч. ред. А. Смирнова. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2011.

в соответствующей статье российской «Новой философской энциклопедии» понятие «гражданское общество» предстает в качестве базы понятия «хорошее общество», о котором, в свою очередь, говорится, что «это не реальность, а теоретический инструмент для анализа достижений человечества в социальной сфере и их концептуализации на уровне теоретических обобщений»⁹.

Словосочетание «гражданское общество» наиболее ощутимым образом вышло за рамки преимущественно философского дискурса в последней четверти XX века. Это было связано с процессами, часто обозначаемыми термином «третья волна демократизации». В данном контексте доминирующей стала фокусировка на противостоянии свободной самоорганизации граждан и организации социума на основе принуждения¹⁰. Такая фокусировка характерна главным образом для работ исследователей политических процессов в государствах, не являющихся либеральными демократиями.

Вместе с тем примерно в тот же период, когда разворачивалась «третья волна демократизации», в индустриально развитых странах существенно возросла экономическая и социальная значимость добровольной активности, не ориентированной на получение максимально возможного дохода или изменение политики государства. В этих странах она, как правило, институционализировалась в формах благотворительных и других НКО, а также социального предпринимательства. Значительно увеличилась востребованность экономических, менеджеральных, статистических, социологических и других исследований такой активности. Вскоре эти исследования выделились в самостоятельную междисциплинарную область, объект которой чаще всего называют третьим сектором или некоммерческим сектором. Эти термины ставят данный объект в один ряд с коммерческим и государственным секторами экономики.

Однако в работах, в которых говорится о третьем секторе, речь идет не только о сугубо экономической проблематике. Их отличие от работ, оперирующих термином «гражданское общество», состоит скорее в том, что на первый план реже выдвигается общественно-политическая позиция авторов и вытекающая из нее нормативность. Впрочем, это отличие имеет место далеко не во всех случаях. Примечательно, что одна из наиболее цитируемых публикаций, в названиях которых фигурируют слова «гражданское общество»¹¹, трактует взаимоотношения НКО с государством в привычном для экономистов контексте разделения труда и взаимодополнения, по сути, безотносительно к чертам политических режимов. Примером подобного рода служит также, пожалуй, самое известное межстрановое исследование НКО, которое опубликовано под названием «Глобальное гражданское общество»¹², хотя в нем фигурируют главным образом экономические характеристики некоммерческого сектора.

⁹ Новая философская энциклопедия...

¹⁰ См., например: Геллнер Э. Условия свободы: гражданское общество и его исторические соперники / пер. с англ. М.Б. Гнедовского. М.: Московская школа политических исследований, 2004.

¹¹ Salamon L.M., Anheier H.K. Social Origins of Civil Society: Explaining of the Nonprofit Sector Internationally // *Voluntas: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations*. 1998. Vol. 9 (3). P. 213–247.

¹² Salamon L.M., Anheier H.K. et al. *Global Civil Society: Dimensions of the Nonprofit Sector*. Baltimore, MD: The Johns Hopkins Center for Civil Society Studies, 1999. P. 3–39.

Налицо не только частое использование словосочетаний «гражданское общество» и «третий сектор» как синонимичных, но и отсутствие четкой грани между исследованиями, в которых общественно-политическая проблематика присутствует в явном виде, и теми, которым присуща политическая нейтральность. Так, акцентировка взаимных выгод сотрудничества третьего сектора с государством и поиск оптимальных вариантов его государственного регулирования и поддержки нередко сопровождается указаниями на риск утраты независимости НКО.

Понятие третьего сектора одним из первых ввел А. Этциони, который делал акцент на промежуточном положении сектора между государством и рынком (до некоторой степени аналогом является понимание гражданского общества Ю. Хабермасом¹³) и на особенностях мотивации его акторов; эти особенности проявляются в ориентации на ценности и личную вовлеченность в противоположность ориентациям на доход или власть¹⁴. Имелась в виду не полная непричастность рынку и государству, немыслимая в современном обществе, а специфика роли сектора в общественной жизни и логики его функционирования. Эти признаки, которые будем называть *ролевым* и *мотивационным*, так или иначе просматриваются практически во всех последующих трактовках третьего сектора.

При растущем разнообразии исследований сохраняется общность акцентов, во-первых, на *нерыночную мотивацию* активности и, во-вторых, на *добровольный характер взаимодействий*, не предписанных носителями власти. Это соответствует идее промежуточного положения объекта исследования между рынком и государством, точнее, отнесения к этому объекту того, что не принадлежит ни к первому ни ко второму. В самом деле, нерыночная мотивация суть непосредственная ориентация на те или иные *конкретные ценности*, присущие личности или группе. Таким образом проявляется стремление к общему благу и к самореализации. Рыночная же мотивация предполагает опосредованное достижение того, что обладает конкретной ценностью: непосредственно мотивируется получение лишь универсальных средств обмена, пригодных для последующего приобретения тех или иных благ. В свою очередь, добровольность противостоит действиям по предписанию (способность легитимно предписывать или запрещать те или иные действия составляет сущность государственной власти).

В поле зрения части исследователей находятся любые субъекты добровольной ценностно мотивированной деятельности, прежде всего индивиды, действующие на основе личного выбора. Другие ученые фокусируются на организациях, причем, как правило, на формальных, прежде всего на зарегистрированных НКО. Сколько-нибудь крупные формальные организации располагают внутренней иерархией власти и оплачиваемыми работниками, деятельность которых на личном уровне мотивируется в том числе стремлением к заработку. Однако это не исключает добровольности и ценностной мотивации самой

¹³ Habermas J. The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society / transl. by T. Burger. Cambridge, MA: MIT Press, 1989.

¹⁴ Etzioni A. The Third Sector and Domestic Missions // Public Administration Review. 1973. Vol. 33. Iss. 4. P. 314–323.

организации как актора гражданского общества. Это имеет место, если такая мотивация присуща тем, кто создал организацию, определил цели и условия ее функционирования и направляет ее деятельность.

В современном мире любая активность почти всегда находится в сфере воздействия государства и соприкасается с рынком. Так, государственные органы закупают необходимые им ресурсы, а государственные учреждения, кроме того, продают часть оказываемых ими услуг, но это не относится к их сущностным характеристикам. Равным образом подверженность бизнеса государственному регулированию не отменяет его рыночной природы (впрочем, в случае государственной собственности на предприятия имеет место некоторое совмещение сущностей). Отметить это целесообразно, чтобы разнообразные контакты третьего сектора с государством и рынком, например участие НКО в выполнении заказов государства и в предоставлении платных услуг, не воспринимались как повод отрицать его самостоятельное место в общественной жизни.

Общность акцентов исследований на добровольности и нерыночной мотивации обычно сочетается с фокусировкой различных авторов на той или иной части явлений, которым свойственны названные характеристики. Это подчас оборачивается терминологическими неясностями. Например, словосочетание «третий сектор» используется в научной литературе как в значении «совокупность некоммерчески ориентированных активностей», так и в значении «совокупность зарегистрированных НКО», причем авторы далеко не всегда явным образом фиксируют свой выбор.

Преобладающей в научных публикациях с конца 1990-х годов стала концепция Л. Саламона и его соавторов, прежде всего Г. Анхайера, которая в значительной степени интегрирует подходы предшественников. Не являясь безоговорочно общепринятой, она зачастую выступает в роли своего рода отправной точки теоретизирования (включая вариации, оговорки и критику) на тему третьего сектора. В кратком изложении суть концепции выглядит следующим образом. Первичными ячейками сектора выступают организации (не индивиды), которые «обладают некой организованностью, институциональной реальностью. Они являются частными, т.е. институционально обособлены от государства. Они не распределяют прибыль, т.е. не передают порождаемое их деятельностью превышение доходов над расходами своим владельцам или директорам. Они являются самоуправляемыми, т.е. обладают способностью контролировать свои активности. Они добровольны, хотя бы отчасти, т.е. они допускают некоторую значимую степень добровольного участия либо в непосредственном осуществлении своей активности, либо в управлении»¹⁵. Эта концепция тесно связана с теорией провалов рынка, государства и самоорганизации, а также с разработанной Саламоном и Анхайером теорией социального происхождения (social origins) третьего сектора¹⁶, о которых речь пойдет далее.

¹⁵ Salamon L.M., Anheier H.K. The Third World's Third Sector in Comparative Perspective // Working Papers of the Johns Hopkins Comparative Nonprofit Sector Project. No. 24 / L.M. Salamon, H.K. Anheier (eds). Baltimore: The Johns Hopkins Institute for Policy Studies, 1997. P. 9.

¹⁶ Salamon L.M., Anheier H.K. Social Origins of Civil Society...

Буквальному смыслу процитированного определения третьего сектора соответствуют не только формальные организации, но и, например, ситуативно возникающие и распадающиеся группы взаимопомощи. Им также свойственна организованность, хотя и неформальная, они не распределяют прибыль, не имея никаких доходов, и т.д. Именно в таком смысле понятие третьего сектора используется авторами этой книги.

1.2. Самоорганизация и ее институты

Как было показано, в современной научной литературе представлены концепции, которые зачастую неодинаково оперируют одними и теми же терминами, но относятся к активностям, имеющим схожие ключевые признаки, корреспондирующие между собой. Хотя эти признаки подчас обозначаются и конкретизируются не вполне одинаково, на пересечении объектов, к которым они относятся, находится деятельность, во-первых, добровольно выбираемая (в частности, не предписанная государством, обладающим законным правом принуждения), и, во-вторых, мотивируемая ценностями в противоположность выгоде в наиболее узком экономическом понимании. Экономическая теория давно ушла от примитивного понимания выгоды как лишь чего-то сугубо денежного или материального, равно как от понимания экономического только как примитивно эгоистического¹⁷. Однако здесь, по-видимому, целесообразно, не углубляясь в проблему более тонкого разграничения «экономических» и «неэкономических» мотивов, ограничиться традиционным пониманием, имеющим скорее интуитивный, чем строго научный характер, поскольку литература о гражданском обществе и третьем секторе обычно не выходит за его рамки. Некоторые концепции говорят об этом прямо, другие подразумевают.

Если не принимать как данность, что специфике третьего сектора соответствует любая ценностная мотивация, лишь бы она доминировала по отношению к узко «экономической», нет альтернативы обсуждению конкретных ценностей. Вопрос о том, какие ценности адекватны понятию гражданского общества, издавна дискутируется в литературе¹⁸. Однако, поскольку разногласия имеют мировоззренческую природу, консенсус в этом вопросе вряд ли достижим. Отчасти схожим образом дело обстоит с разногласиями по вопросу, признавать ли относящейся к гражданскому обществу и третьему сектору деятельность, мотивированную не «экономически», а аскриптивно (предписанную традицией или требованиями сообщества)¹⁹. По-видимому, целесообразно не пытаться найти приемлемые для всех ответы на эти два вопроса, оставляя пространство для исследований, ориентированных на разные варианты.

¹⁷ Автономов В.С. Человек в зеркале экономической теории. Очерк истории западной экономической мысли. М.: Наука, 1993.

¹⁸ См., например: *Smith D.H. The Dark Side of Goodness in the Angelic Nonprofit Sector*. Bradenton, FL, 2009, где автор рассматривает девиантные явления и практики в НКО, которые занимают «серую зону» между теми, кто нацелен на общественное благо, и теми, чья деятельность преследует деструктивные цели.

¹⁹ Следует упомянуть о том, что эта грань в любом случае не абсолютна, а также о том, что вполне свободный выбор иногда делается в пользу традиционной модели поведения, в том числе связанной с подчинением (пример — уход современного интеллектуала в монастырь).

Как бы то ни было, необходимо избегать довольно типичных для литературы по обсуждаемой тематике терминологических неясностей, о которых говорилось выше. Неясности особенно нежелательны в современных условиях, когда добровольная ценностно мотивированная активность становится все более разнообразной, в том числе за счет использования информационно-коммуникационных технологий, а неформальные общности все чаще сосуществуют с зарегистрированными НКО, нередко оказываясь их «эмбрионами», порождениями, конкурентами или партнерами. В этой связи, по-видимому, целесообразно обозначать совокупность явлений, изучаемых специалистами в области гражданского общества, НКО, третьего сектора, благотворительности, добровольчества и т.д., терминами, непосредственно выражающими их «семейные» черты. Таковы некоммерческая *самоорганизация* и *альтруистическое* поведение.

Явления, относящиеся к этой совокупности, могут одновременно иметь черты самоорганизации и альтруизма. Таковы, например, благотворительные организации и добровольческие движения. Вместе с тем, например, НКО клубного типа, будучи самоорганизующимися структурами, действуют не столько альтруистически, сколько в интересах своих членов. В то же время гражданские активисты, действующие вне устойчивых структур, осуществляют добровольное альтруистическое действие вне подобных организаций. Выше показано, что все это изучается одной и той же группой исследователей, которые даже при несходстве узких специализаций поддерживают диалог. Равным образом эмпирически наблюдаемый факт состоит в том, что эта группа все еще находится в процессе формирования общего понятийного аппарата и совокупности взаимосвязанных теорий.

Самоорганизация как понятие, а не просто интуитивно понимаемое выражение, пришло в общественные науки из точных и естественных, прежде всего из кибернетики и биологии. В научный обиход термин был введен в середине XX века У. Эшби²⁰. С тех пор появилось немало дефиниций самоорганизации. На основе их обширного анализа Н. Гилберт с коллегами выделили те общие моменты, которые с разной степенью выраженности присутствуют практически в каждом из определений: образование регулярных и воспроизводящихся паттернов (pattern formation), автономия, динамичность, а также устойчивость и резильентность, т.е. способность, справляясь с негативными внешними воздействиями, возвращаться в состояние равновесия (robustness and resilience)²¹. Переход к изучению социальных систем потребовал обогатить понимание самоорганизации за счет включения в исследовательскую повестку проблем мотивации, норм, ценностей и лидерства. В результате тематика самоорганизации заняла прочное место в экономической теории и социологии²².

²⁰ Ashby W. Principles of the Self-organizing Dynamic System // Journal of General Psychology. 1947. Vol. 37. P. 125–128.

²¹ Gilbert N., Anzola D., Johnson P., Elsenbroich C., Balke T., Dilaver O. Self-organizing Dynamical Systems // J.D. Wright (ed.). International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences. London: Elsevier, 2015.

²² Anzola D. et al. Self-organization and Social Science // Computational and Mathematical Organization Theory. 2017. Vol. 23. P. 228.

Для подходов экономистов и социологов к изучению самоорганизации, равно как к исследованию альтруистического поведения, характерна фокусировка не на непосредственном содержании действий, а на *институтах*, придающих им общественные формы. Так, наблюдая, как некие люди тратят деньги на то, чтобы помочь другим, можно не просто зафиксировать этот факт, а постараться понять, имеет ли место подаяние нищим, которое каждый осуществляет спонтанно и автономно, сбор средств, проводимый активистами благотворительной акции, уплата регулярных взносов членами общественной организации, созданной с благотворительными целями, выполнение обязанности, вытекающей из принадлежности к определенной общности (пример — закят в Исламе), и др.

Термин «институт», как и рассматривавшиеся выше, не однозначен. Э. Дюркгейм относил к числу институтов «все верования, все способы поведения, установленные группой»²³. Т. Парсонс определял институт «как комплекс институционализированных интегративных ролей, имеющий стратегическую структурную значимость для конкретной социальной системы». Ч. Миллс указывал, что институт «...состоит из множества взаимозависимых ролевых образцов и их компонентов»²⁴. По Э. Гидденсу, «социальные институты образуют основу общества, поскольку они представляют относительно фиксированные, устойчивые во времени способы поведения»²⁵. По Д. Норту, это «формы ограничений, созданных людьми для того, чтобы придать определенную структуру человеческим взаимоотношениям... они состоят из формальных писанных правил и обычно неписанных кодексов поведения, которые лежат глубже формальных правил и дополняют их»²⁶.

Очевидны различия между процитированными определениями, предложенными выдающимися учеными, не говоря уже о множестве менее авторитетных дефиниций. Однако не менее очевидно, что во всех случаях речь идет о ключевых характеристиках того, как активность индивидов предстает в *контексте общественных взаимосвязей*. С некоторой долей условности можно утверждать, что различия производны от того, какие характеристики занимают центральное место в концепции того или иного автора, но это не отменяет некой общности предмета.

Именно в названном контексте альтруистическое поведение и самоорганизация рассматриваются авторами данной монографии. Иными словами, они, как и упоминавшиеся выше исследователи гражданского общества, благотворительности и НКО, не пытаются, например, раскрывать природу альтруизма как психологического феномена. Зато они видят свою задачу в исследовании тех ролей, которые изучаемые явления играют в общественной жизни, конкретных

²³ Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / пер. с фр., сост., послесл. и примеч. А.Б. Гофмана. М.: Канон, 1995.

²⁴ Миллс Ч.Р. Социологическое воображение / пер. с англ. О. Оберемко; под общ. ред. и с предисл. Г.С. Батыгина. М.: Стратегия, 1998.

²⁵ Гидденс Э. Социология / при участии К. Бердсолл; пер. с англ. А.В. Бекрова, В.П. Мурата, И.В. Ольшевского, И.Д. Ульянова, А.Д. Хлопина. Изд. 2-е, полн. перераб. и доп. М.: Едиториал УРСС, 2005.

²⁶ Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / пер. с англ. А.Н. Нестеренко; предисл. и науч. ред. Б.З. Мильнера. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru